

УДК 81'42

К ПРОБЛЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО АНТРОПОНИМА

Иванова Л.П.

Актуальность. Проблема соотношения ментальных сущностей, функционирующих в сознании человека, еще очень далека от своего решения, по сути дела, она даже не поднималась. Мы пытались разграничить концепты и ключевые имена культуры. Так, например, в ходе анализа Кавказа в русском языковом сознании XIX-XX вв. интерпретировали его как ключевое слово русской культуры, однако иностранное его происхождение очевидно [13, с. 153-154]. Следовательно, возможно заимствование ключевых слов, причем оно наблюдается не только в сфере собственных имен, но и нарицательных (см. «джигит» у У.А.Карпенко). В этом плане представляет определенный интерес заимствование прецедентных антропонимов.

Постановка проблемы. Антропонимикон различных языков, в том числе и русского, неоднократно подвергался глубокому многоаспектному исследованию. Мы обратимся к его национально-культурному аспекту.

Известно, что антропонимикон у каждого народа индивидуален и неповторим, поскольку он отражает особенности исторического развития, единственные в своем роде.

Многие антропонимы включаются в состав номенов и терминов различных наук (таблица Менделеева, теорема Пифагора). А.В.Суперанская отмечает: «Переход номенов одной области в номенклатуру другой области, в том числе и включение одного собственного имени в состав другого, приводит к дальнейшей транссемантизации номенов, связанной с изменением их денотата, с возможностью употребления их в иных контекстах, с вхождением их в иные лексические ряды» [12, с. 33].

Особенный интерес представляет функционирование антропонимов в художественном тексте.

Использование антропонимов связано с социальными процессами, культурно-литературной традицией, жанрово-стилистическими сдвигами в художественной литературе [8, с. 1, 81], антропоним может стать средством характеристики, авторской иронии [4, с. 40-41] и др. В.М.Калинкин утверждает: «...в художественной литературе социально-разграничительная функция собственных имен была и остается наиболее употребительной». Исследователь разрабатывает поэтику онима, а предметом исследования в поэтической ономастике он избирает поэтоним – «...имя в литературном произведении (в художественной речи, а не в языке), которое выполняет, кроме номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функцию, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой».

Антропонимы могут приобретать дополнительные смыслы не только в художественной речи. Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров пишут о том, что у всякого слова создается определенный лексический фон, соотносимый с фоновыми знаниями [2, с. 57], а у антропонима – национально-культурный компонент [2, с. 71].

К ПРОБЛЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО АНТРОПОНИМА

Итак, определив свойства и особенности функционирования антропонимов, мы подошли к проблеме их заимствования. Думается, следует различать внутриязыковое и межъязыковое заимствование.

К внутриязыковым заимствованиям относим:

1) переход собственных имен в нарицательные. А.В.Суперанская пишет: «Коннотация, создание образа, а вместе с тем и потенции перехода в нарицательные возникает у собственных имен в тех случаях, когда: 1) денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива, получавших некоторый общий минимум воспитания и образования (...); 2) имя перестает связываться с одним сколько-нибудь определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, поселений... и т.п.» [11, с. 116]. Перу Е.С.Отина принадлежит первый в мире «Словарь коннотативных собственных имен» (Донецк, 2004);

2) внутрикультурные заимствования, относящиеся к разным историческим эпохам. Не случайно Ю.М.Лотман пишет об активном диалоге культуры настоящего с разнообразными структурами и текстами, принадлежащими прошлому [7, с. 615]. Так, например, ученый утверждает, что Фауст для каждой отдельной эпохи «выглядит как цитата из другого времени» [7, с. 616].

Среди межъязыковых заимствований можно выделить те, что функционируют в нескольких языках (Е.С.Отин называет их интерлингвальными [10, с. 8]), и те, что заимствуются из одного языка и культуры в другой язык и культуру.

К первой группе относится прежде всего античная мифология. Она широко используется в научной терминологии (названия планет и т.п.). Н.Д.Арутюнова утверждает, что «мифические образы (Цербер, Гамаюн, Аполлон и др.), выходя за пределы мифа и приобретая интертекстуальный характер, получают символическую функцию» [1, с. 22]. Ю.М.Лотман предлагает считать символами знаки, «обладающие способностью концентрировать в себе, сохранять и реконструировать *память* о своих предшествующих контекстах» [7, с. 617].

Ко второй группе принадлежат заимствования типа Кавказ в русскую культуру, о чем мы писали ранее.

Что же способствует заимствованиям?

Думается, в сфере антропонимов говорить о языковом заимствовании недостаточно, идет процесс взаимодействия культур. Ъ.М.Жирмунский писал: «История человеческого общества фактически не знает примеров абсолютно изолированного культурного (а следовательно, и литературного) развития, без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между отдельными участками» [3, с. 20].

Для такого рода заимствований В.В.Красных предлагает термин прецедентное имя: «Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [6, с. 48].

На наш взгляд, указанное определение следует уточнить и расширить. Во-первых, имя – категория широкая, с точки зрения грамматики, она включает в себя и имя прилагательное, и имя числительное, с точки зрения лексикологии – имена нарицательные и собственные и т.д. Культурные коннотации имеют имена существительные, в нашем случае – антропонимы. Во-вторых, прецедентный текст не истолкован. Мы считаем, что текст следует понимать широко: не только словесный, но и всякий другой артефакт. Культура вообще существует в форме текстов – «знаковых произведений духовной деятельности человека» [9, с. 161].

Для того чтобы стать фактом культуры, текст должен быть интерпретирован другими видами искусства [9, с. 167].

Таким образом, прецедентный антропоним – это свернутый национально-культурный текст, он функционирует как в рамках своей культуры, так и способен к переходу в другую культуру вследствие заимствования. Прецедентный антропоним тянет за собой шлейф различного рода ассоциаций, он перекодирован другими видами искусства. Ученые отмечают то, «что существует пласт прецедентных феноменов, известных любому среднему современному homo sapiens и входящих в «универсальное» когнитивное пространство [6, с. 51; 10, с. 8]. С этим можно согласиться в аспекте синхронии, но очевидно, что когда-то эти феномены заимствовались из одной культуры в другие.

Наши данные свидетельствуют о том, что только в «Евгении Онегине» А.С.Пушкина упомянуто 47 заимствованных прецедентных антропонимов [4, с. 27], однако далеко не все они остались прецедентными для современных читателей.

Одним из способов выяснения перечня заимствованных прецедентных антропонимов является социолингвистический эксперимент. Мы его провели среди студентов факультета иностранной филологии национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова в г. Киеве. В эксперименте приняли участие 93 информанта – студенты I и V курсов. Он строился в 2 этапа. Сначала информантам сообщили о цели эксперимента и попросили определиться, к какой культуре они себя относят: русской, украинской или обеим вместе. Через час студентам детально объяснили, что же такое заимствованный антропоним, а потом попросили в течение 5 минут записать антропонимы, которые первыми вспомнились. Такая спонтанность должна была обеспечить перечень имен, которые находятся на поверхности языкового сознания, т.е. наиболее активно используются. Приведем некоторые данные.

Около 39 % информантов признали себя носителями обеих культур, 33 % отнесли себя к русской культуре, 28 % – к украинской.

В рамках обеих культур было приведено 128 имен, 204 упоминания, т.е. разброс, как и в отдельных культурах, очень большой.

Мы использовали разработанную нами модель поля, где ядро – наиболее высокочастотное имя, околядерная часть и ближняя периферия выясняются на основании снижающейся частотности, дальняя периферия – единичные упоминания.

Ядро поля – Шекспир и Гамлет (по 9 упоминаний), околядерная часть – Дон Жуан, Ромео, Джульетта, Гитлер (по 5 упоминаний). Ближняя периферия – Наполеон (4 упоминания), Ф.Аквинский, Прометей, мать Тереза, Фрейд, Ницше, М.Тэтчер, Мицкевич (по 3 упоминания).

Русская культура – 88 имен, 134 упоминания. Ядро – Шекспир (10 упоминаний), околядерная часть – Гамлет (6 упоминаний), Ромео (5 упоминаний), Джульетта (5 упоминаний); ближняя периферия – Моцарт (3 упоминания), Верди (3 упоминания), Отелло (3 упоминания).

Украинская культура – 79 имен, 109 упоминаний. Ядро – Шекспир (6 упоминаний), Ромео (5 упоминаний), Дон Кихот (5 упоминаний); околядерная часть – Джульетта (4 упоминания). Периферию составили имена, упоминавшиеся 1-2 раза.

Таким образом, Шекспир и главные герои его произведений составляют ядро заимствований в восточнославянских культурах.

Можно предположить, что они относятся к межкультурным антропонимам и входят в универсальное когнитивное пространство, но эта гипотеза требует дополнительной проверки.

Выводы. Большой разброс и отсутствие существенных различий в частотности свидетельствует, с одной стороны, об индивидуальном восприятии культуры, а с другой –

К ПРОБЛЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО АНТРОПОНИМА

о близком родстве русской и украинской культур. Возможно, свою роль сыграло то, что информанты сориентированы на филологию и иностранные языки.

Таким образом, заимствованные антропонимы – единицы ментального пространства человека, позволяющие судить о взаимодействии культур.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Алогичность метафорических полей. Между мифом и метафорой // Русский язык сегодня. Вып. 2. – М., 2003.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1983.
3. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Запад и Восток. – М., 1979.
4. Иванова Л.П. Отображение языковой личности автора в художественном тексте. – К., 2000.
5. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий. – К., 2004.
6. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.
7. Лотман Ю.М. Семносфера. – Спб., 2001.
8. Михайловская Н.Г. Об употреблении собственных иноязычных имен в современной русской поэзии // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.
9. Мурзин Л.П. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994.
10. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк, 2004.
11. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.
12. Суперанская А.В. Аппеллятив-оном // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка/ Пер. нем. и доп. акад. РАН О.Н.Трубачева. – изд.4, стереотип.: В 4-х тт. – Т.2. Е-Муж. – М., 2003.

Поступила в редакцию 24.02.2005 г.